

УДК 930.1

Т. Т. Кручковский, доктор исторических наук, доцент

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь, tkruczkowski@yahoo.com

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ОЦЕНКЕ
РУССКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Важной проблемой позитивистской теории в русской либеральной историографии второй половины XIX — начала XX века была экономическая сфера. Такое положение привело к рассмотрению социально-экономической тематики и в русской исторической полонистике либеральной направленности. В данной статье социально-экономическая тематика рассматривается преимущественно на примере исторической полонистики В. О. Ключевского, Н. И. Кареева и А. Л. Погодина. Их оценочные подходы к заявленной тематике рассматриваются на общем фоне российской историографии. Проблематика социально-экономического устройства польско-литовской государственности рассматривается в русской науке исходя из ряда ее ключевых проблем этого государства: цивилизационного выбора Польши и ВКЛ, характеристики феодализма как общеевропейского явления в общем и его восточноевропейского варианта, показа зависимости социально-экономического устройства от шляхетского общественно-государственного строя.

Ключевые слова: русская либеральная полонистика; цивилизационный выбор; феодализм; социальная структура; экономическое развитие; Н. И. Кареев; В. О. Ключевский; А. Л. Погодин; Польша; ВКЛ.

Библиогр.: 52 назв.

T. T. Kruczkowski, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Institution of Education “Yanka Kupala State University of Grodno”, 22 Ozheshko Str.,
230023 Grodno, the Republic of Belarus, tkruczkowski@yahoo.com

**THE SOCIAL STRUCTURE AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF THE POLISH-LITHUANIAN STATEHOOD IN THE ASSESSMENT
OF RUSSIAN LIBERAL HISTORIOGRAPHY**

An important issue of positivist theory in Russian liberal historiography of the second half of the 19th and early 20th centuries was the economic sphere. This situation led to the consideration of socio-economic themes in Russian historical Polish studies of a liberal nature. This article examines socio-economic topics using the historical Polish studies of V. O. Klyuchevsky, N. I. Kareev, and A. L. Pogodin as examples. Their evaluative approaches to this topic are considered against the general background of Russian historiography. The problem of the socio-economic structure of the Polish-Lithuanian statehood is considered in Russian science based on a number of its key problems of this state: the civilizational choice of Poland and the Grand Duchy of Lithuania, the characteristics of feudalism as a pan-European phenomenon in general and its Eastern European variant, demonstrating the dependence of the socio-economic structure on the noble social and state system.

Key words: Russian liberal Polish studies; civilizational choice; feudalism; social structure; economic development; N. I. Kareev; V. O. Klyuchevsky; A. L. Pogodin; Poland; Grand Duchy of Lithuania.

Ref.: 52 titles.

Введение. Новой тематикой русской исторической полонистики позитивистской историографии либеральной направленности второй половины XIX — начала XX века стала экономическая сфера, проблематика социально-экономического развития. В данной статье социально-экономическая тематика рассматривается в основном на примере исторической полонистики В. О. Ключевского [1—3], Н. И. Кареева [4—9] и А. Л. Погодина [10; 11].

Социально-экономическая сторона исторического процесса стала объектом изучения для целого ряда медиевистов (П. Г. Виноградов, М. М. Ковалевский и др.), историков нового времени (Н. И. Кареев, В. О. Ключевский, Е. В. Тарле и др.) [12, с. 27]. Они выступали против доминанции «экономического материализма» [12—14] и др. Так, В. И. Герье отмечал, что марксизм — «наиболее модное заблуждение в области исторической науки нашего времени» [14, с. 265].

Одной из тем исторической полонистики в русской либеральной историографии второй половины XIX — начала XX века была проблематика социально-экономического устройства польско-литовской государственности (Польша и ВКЛ, а затем Речь Посполитая) и его влияния на западнорусские земли, согласно тогдашней терминологии (т. е. на территории современных Беларуси и Украины). Показательно, что влияние социально-экономического фактора на ход исторического развития Польши, ВКЛ и их православных территорий признавалось и в русской исторической полонистике консервативной направленности (Д. И. Иловайский, М. О. Коялович) [15; 16].

Методология и методы исследования. Теоретико-методологические основы статьи исходят из основополагающих, выработанных историософской мыслью принципов и методов научного исследования. Отмечается, что будущее состояние историографии как науки будет определяться множеством методологических подходов и исторических концепций, которые не могут быть универсальными [12, с. 41]. Это состояние историографии, как проявление историософского осмысления прошлого, и объясняет, по нашему мнению, то положение, что в настоящее время не появилось принципиально новых концепций исторического процесса [17, с. 48].

В исследовании этих поставленных задач автор опирался на основополагающие принципы исторической науки — историзма и объективности, а также ценностный подход. Воплощением этих принципов в процессе подготовки этой статьи было использование общенаучных и специально-исторических методов. Методы, применяющиеся в историографии, хотя и применяются в других областях исторической науки, но имеют существенную специфику. Наиболее используемыми специально-историческими методами в нашей статье являлись: историко-типологический, историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный, метод ретроспективного и перспективного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Заявленная проблематика исследования недостаточно известна в русскоязычной историографии, не говоря уже о западной, прежде всего польской исторической науке. Отдельные упоминания о некоторых аспектах заявленной тематики имеются у современных российских историков [18—25]. Определенные аспекты этой проблематики отмечались также автором этой статьи [17; 26—37]. Однако они проходили фоном для другой тематики исследований и не акцентировали внимания на заявленную проблематику.

Наивысшего расцвета либеральная историография достигла в лице русской исторической школы всеобщей истории или, как она еще называлась, социально-экономического направления [12; 38; 39]. С ней связано мировое признание достижений русской исторической науки. Теоретико-методологической основой концепции этой школы (Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, Н. И. Лучицкий и др.) был позитивизм, именно основой, так как они испытали определенное влияние марксизма, народнических идей.

Проблематика становления основ социально-экономического устройства польско-литовской государственности рассматривалась в русской науке исходя из фокуса ряда ключевых проблем: цивилизационного выбора Польши и ВКЛ, характеристики феодализма как общеевропейского явления в общем и его восточноевропейского варианта (Польша, ВКЛ, Киевская Русь), зависимость социально-экономического устройства от шляхетского общественно-государственного строя.

Одной из важнейших тем польской истории, поднятой либеральными историками (С. М. Соловьев, Н. И. Кареев, В. О. Ключевский, А. Л. Погодин и др.), была проблема цивилизационного выбора Польши [17; 26; 27]. Несмотря на ряд оговорок об ограниченности западного влияния на Польшу, о неготовности поляков полностью принять его плоды, в целом либеральная историография признавала положительность этого явления не только в области культурно-политической, но и социально-экономической. Общей для нее была благоприятная оценка западного воздействия на Польшу, приведенная А. Л. Погодиным, который писал, что «благодаря западному влиянию Польша ко II половине XV века стала одним из образцовых и сильных государств католической Европы» [10, с. 22].

В либеральной историографии были также и сторонники негативной оценки западного влияния на Польшу (В. И. Герье, А. С. Трачевский, ряд таких оценок высказывали С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и др.). Так, В. М. Владимирский-Буданов, говоря о негативном влиянии немецкого права на польскую историю в целом и на формирование и функционирование польского общественно-государственного механизма, социально-экономической сферы в частности, утверждал, что «немецкое право, ослабив княжескую власть, лишив крестьянскую общину самостоятельности, понизив права городского сословия, содействовало образованию идеи шляхетства» [40, с. 360].

Вина за печальный исход польской истории определяется, вместе с тем отмечалось повсеместно в русской исторической науке, что Польша слишком рано, еще на заре своей истории, столкнулась с западной цивилизацией. Так, М. К. Любавский прямо писал, что «полякам не удалось образование политического объединения всех западных славян, так как они поздно вступили на историческую арену и в церковном отношении приросли к Германии» [41, с. 8]. Эта точка зрения была популярной в русской историографии как славянофильской, так и либерально-западнической направленности (С. М. Соловьев, Н. И. Кареев, А. Л. Погодин и др.) [17; 26; 27; 32].

Польша, как отмечал Н. И. Кареев, приняв католичество, формально вошла в западный мир. По его мнению, это случилось по причине географической близости Германии и Рима. Определяющими факторами для Польши в ее становлении в этом направлении были католичество и влияние Германии, причем первое историк считал более важным. Специфику начальной польской истории он также выводил из двух основных факторов: общей молодости славянской (в том числе польской) цивилизации по сравнению с западноевропейской, а также ее связью с западнорусскими землями. «Польша, — утверждал он, — по географическому положению и историческим связям должна была стать более близкой к Востоку, но в силу культурных, политических связей примкнула к Западу» [4, с. 127]. Н. И. Кареев из этих факторов как результата воздействия западной цивилизации на молодое славянское государство, ее связей с Русью и рассматривал особенности модели польского варианта западного пути, а также его составных частей — польского феодализма, а впоследствии и своеобразного польского общественно-государственного устройства и его социально-экономической модели.

В. О. Ключевский также признавал принадлежность католической Польши к западной цивилизации. Ученый писал: «Церковное родство и географическое соседство связали ее с романо-германской Европой» [2, с. 259].

Весьма своеобразно в русской историографии понимался феодализм, его восточно-европейский вариант в общем и польский в частности. Так, Н. И. Кареев западноевропейский феодализм разделял на политический и социальный [6, с. 158—164]. Одновременно он считал, что западноевропейский феодализм отличался от феодализма в Польше, Венгрии, Чехии. Позже под влиянием работ К. Мауера, К. Лампрехта им были внесены коррективы в представление о феодализме в странах Восточной Европы. Был сделан вывод о феодализме как общем этапе развития для всей Европы в рамках широкой умственной конструкции [8, с. 142]. В. О. Ключевский, принимая положение о существовании феодализма в Польше, одновременно оговаривал, что Польша, Венгрия и Западная Русь (Галицко-Волинское княжество) не имели западноевропейской формы феодализма [2, с. 260].

Таким образом, в отношении феодализма как одного из важнейших аспектов западноевропейского средневековья, по мнению Н. И. Кареева (как и у В. О. Ключевского), Польша не относилась к Западной Европе, а имела больше схожих черт с переходной центрально-европейской моделью. В Польше, по мнению Н. И. Кареева, имел место только социальный феодализм, политический феодализм отсутствовал в ней, как и в Англии [5, с. 44]. Феодализм в Польше, как и в других странах Восточной Европы (ВКЛ и Россия), делал вывод ученый, имел общие черты, отличные от западноевропейского [8, с. 38].

Как видим, в либеральной историографии сильна тенденция сближения роли России и Польши как промежуточного звена между Западом и Востоком. Вместе с тем положение об общности исторического пути на начальном периоде становления европейской цивилизации русская либеральная историография обосновывала также мнением о существовании общих черт феодализма в Западной и Восточной Европе (Т. Н. Грановский, В. О. Ключевский, Н. И. Кареев).

В. О. Ключевский, А. Л. Погодин и Н. И. Кареев, как и большинство либеральных историков, подчеркивали неоднозначность немецкого влияния на Польшу, которое, с одной стороны, способствовало экономическому, правовому прогрессу, с другой — деградации политического строя Польского Королевства. Так, Н. И. Кареев обращал особое внимание не только на военно-политическое противостояние Польши и германского мира, но и на преобладание в польских городах немецкого элемента, который способствовал во многом изоляции в социально-экономической области городов и в результате от политической жизни страны, в итоге шляхта заняла исключительное место в общественной и хозяйственной жизни польского общества [42, с. 27].

Наиболее положительную оценку значения немецкой колонизации в истории Польши дал М. К. Любавский, который отмечал, что только благодаря немецкой колонизации стал возможен подъем польского сельского хозяйства в XII—XVI веках, но одновременно с этим часть польских территорий была онемечена и потеряна для Польши [43, с. 447]. В отношении польских сюжетов П. Г. Виноградова можно отметить, что им были посвящены три статьи: «Немецкая колонизация и новое сельское и городское устройство в Польше», «Польский король Казимир Великий» и «Нешавские статуты Казимира Ягеллончика» [44].

Влияние польского фактора в истории русских земель характеризовалось В. О. Ключевским в ряде принципиальных моментов еще истории Киевской Руси. Так, описывая общественно-политическое и социальное устройство Киевской Руси, историк сравнивал его не только с западноевропейским, но и польским. Он считал, что в Польше, как и в Западной Европе, в отличие от Руси, сложилась система феодальных отношений: «Старшие дружинники, княжи мужи, бояре, занимавшие высшие правительственные должности, не могли занимать их долгое время в одних и тех же волостях и чрез это приобретать прочное местное политическое значение в известной области, тем не менее, могли превращать свои должности в наследственные, как это было на феодальном Западе и в соседней Польше» [45, с. 205].

Далее В. О. Ключевский, как и ряд историков, его современников (Н. И. Кареев, В. А. Мякотин, В. А. Бильбасов, Ф. М. Уманец и др.), а впоследствии и такие его ученики, как М. К. Любавский, П. Н. Милуков, признавал успешность и значительность польского цивилизационного влияния на западнорусские земли. Так, В. О. Ключевский признавал, что «со времени соединения Литвы с Польшей русское влияние в Литовском княжестве начало вытесняться польским» [2, с. 88]. Это влияние, считал историк, шло различными путями. Он выделял проблему государственного устройства: «Сеймы, на которых решались общие дела обоих союзных государств: литовско-русские вельможи, встречаясь здесь с польскими паннами, знакомились с их политическими понятиями и с порядками, господствовавшими в Польше» [2, с. 88]. С другой стороны, историк писал о польском варианте социально-общественного строя: «Польское влияние проводилось в Литву-Русь жалованными грамотами великих князей литовских, которые назывались привилеями и устанавливали в Литве такой же порядок управления, такие же права и отношения сословий, какие господствовали

в Польше» [2, с. 88]. Исходя из этого, ученый делал нетрадиционный для русской историографии вывод: «Проникая этими путями, польское влияние глубоко изменило как устройство управления, так и склад общества в русских областях, вошедших в состав Литовского княжества» [2, с. 88].

В связи с первостепенной ролью Польши и ВКЛ во внешнеполитической программе Москвы, а также нахождением в составе польско-литовского государства православных земель вполне логично было бы сравнение общественно-политического и социально-экономического устройства этих государств, их цивилизационной модели и возможного взаимовлияния. Такое сравнение было бы вполне обоснованно для представления объективных причин и обстоятельств необходимости вхождения этих земель в состав России. В. О. Ключевский таких прямых сравнений не давал, ограничиваясь их косвенным сравнением и не высказывая прямо свои оценки [2].

Ученый не высказывал никаких оценок этого процесса, в том числе в отношении России. Однако он показывал их влияние посредством привилеев, изданных в XVI веке, на западнорусские земли: «По этим привилеям литовско-русские землевладельцы уравнивались с польскими в правах владения вотчинами и жалованными имениями и освобождались от налогов и повинностей, за исключением некоторых маловажных, имевших не столько финансовое, сколько символическое значение» [2, с. 90]. В результате, по мнению историка, «русские князья к началу XVI века стали служилыми вотчинниками, полными собственниками своих княжеств и вместе со знатнейшими литовскими вельможами образовали землевладельческую аристократию, подобную польской и даже более влиятельную» [2, с. 89].

Как продолжение этого процесса историк рассматривал образование в ВКЛ под влиянием Польши сословия шляхты: «Привилеями, как общими или земскими, данными всему княжеству, так и местными или областными, в Литовской Руси устанавливались сословные права и отношения, подобные тем, какие существовали в Польше» [2, с. 89]. Как этапы этого пути он рассматривал Городельский сейм, «подтвердивший соединение Литвы с Польшей, издание привилея, по которому литовские бояре, принявшие католицизм, получили права и привилегии польской шляхты, а также привилей Казимира, который «распространил эти права и на православную знать» [2, с. 90]. В первой половине XVI века, считал ученый, русская шляхта ВКЛ добилась политических прав вслед за экономическими: «Русско-литовская шляхта ведет шумную борьбу со своей знатью и добивается призыва на вальные сеймы. Статут 1566 г. устроил сеймовое представительство русско-литовской шляхты по образцу польского шляхетского сейма» [2, с. 91].

Таким образом, ученый, в отличие от большинства его современников, считал возможным создание сословия польско-литовской шляхты с одинаковыми сословными правами независимо от этнической и конфессиональной принадлежности и положения, а также создание шляхетского общественно-политического и социально-экономического строя, в котором так отличалось положение шляхты от прав их сословных собратьев в Москве. Дальнейшая разработка данной проблематики в русской науке была осуществлена учеником В. О. Ключевского — известным историком М. К. Любавским.

Однако В. О. Ключевский показывал влияние польских образцов на социально-экономическую сферу западнорусских земель: «Русские князья к началу XVI века стали служилыми вотчинниками, полными собственниками своих княжеств и вместе со знатнейшими литовскими вельможами образовали землевладельческую аристократию, подобную польской» [2, с. 89].

Согласно мнению В. О. Ключевского, усиление дворянства в Литовском княжестве сопровождалось упадком старинных городов Западной Руси, считая, что в Киевской Руси области со своими волостными городами подчинялись решениям веча старших городов [2, с. 91]. «Старинные области вечевых русских городов постепенно разлагались на княжеские и панские вотчины, — писал он, — место веча заступил назначаемый великим князем воевода с подручными... Служилые землевладельцы, бояре и земяне, прежде входившие в состав городских обществ, теперь шляхетскими своими привилегиями обособились от

мещан... Старинные области вечевых русских городов постепенно разлагались на княжеские и панские вотчины, и обессиленный вечевой город оставался одиноким среди этих чуждых и часто враждебных ему владельцев... Великокняжеские урядники, воеводы, кастеляны и старосты притесняли горожан» [2, с. 91]. Вместе с тем он считал, что польско-литовские государи «чтобы вывести города Западной Руси из упадка, давали им немецкое городовое самоуправление, магдебургское право, которое в XIII и XIV вв. проникло в Польшу вместе с немецкими колонистами... в XIV в. это самоуправление введено было в городах Галицкой земли... с половины XV в. магдебургское право распространилось и в других городах Западной Руси» [2, с. 91]. Историк признавал, что «мещане получали некоторые торговые привилегии и льготы по отправлению казенных повинностей и освобождались от подсудности воеводами другим правительственным урядникам» [2, с. 92].

Однако эти права города по магдебургскому устройству В. О. Ключевский считал меньшими, чем в период Киевской Руси, причем, говоря о таком «ухудшенном» положении города в ВКЛ, историк не сравнивал их с положением в Московской России. Таким образом, В. О. Ключевский занимал позицию, более близкую к славянофильским оценочным подходам. Эта позиция была также ближе к оценкам С. М. Соловьева, чем Н. И. Кареева или М. К. Любавского. В то время как П. О. Бобровский, сторонник школы западноруссизма, сумел увидеть на конкретном историческом материале Гродненской губернии пользу введения магдебургского права для социально-экономического развития края [46, с. 77].

Важной проблемой социально-экономической тематики русской исторической полоники стала история польского крестьянства. Она поднималась в трудах по истории России С. М. Соловьева, В. О. Ключевского. Этому вопросу посвящено специальное исследование В. А. Мякотина [47]. Показательно, что либералы трактовали эту проблему во многом с близких консерватизму позиций, таких как у М. О. Кояловича [16] или А. И. Горемыкина [48].

Другая точка зрения на проблему положения польского крестьянства в XVIII веке в сравнении с положением русского крестьянства появилась позже в работах В. О. Ключевского и А. А. Корнилова [49]. Выводы А. А. Корнилова о состоянии польского крестьянства были основаны на русской и польской литературе. Он главным образом опирался на исследования Т. Любомирского [50] и В. В. Мякотина [47]. Вслед за предшественниками А. А. Корнилов делал акцент на раннем возникновении крепостничества в Польше и его близости к рабскому состоянию. В России нередко заметно преувеличивалась тяжесть крепостнического гнета в польском государстве [18, с. 49]. В итоге у А. А. Корнилова появлялись утверждения, взятые у Т. Любомирского, что «торговля крепостными душами в Польше велась порознь или вместе с семьею». Как позже было доказано, «такой торговли никогда не было, продавали землю вместе с крестьянами» [18, с. 50].

Еще негативнее В. О. Ключевский оценивал положение крестьянства в польско-литовском государстве [2, с. 90]. В этом вопросе он оказался в плену стереотипов российской историографии, заявлявшей о значительно более суровом крепостном праве в Польше и ВКЛ, чем в Москве, и о приходе крепостничества из Запада на русские земли посредством Польши. Так, В. О. Ключевский писал: «Привилей Казимира воспретил переход крестьян с земель частных владельцев на великокняжеские и обратно; эти постановления положили начало закрепощению крестьян в Литовском княжестве по примеру Польши, где крепостное право установлено было еще в XIV в.» [2, с. 90].

Однако в отношении XVII—XVIII веков точка зрения В. О. Ключевского на положение крестьян была иной: «Порядки самодержавно-дворянского русского правления так тяжело ложились на низшие классы, что издавна тысячи народа бежали в безнарядную Польшу, где на землях своевольной шляхты жилось сноснее» [51, с. 51]. По его мнению, постоянные войны привели к значительному усилению крепостничества: «Законодательство Петра... отбрасывало общество далеко назад, к знакомой на Руси исстари греко-римской норме» [3, с. 96]. Исходя из этого следовало заключение историка: «Крепостное русское село превращалось в негритянскую североамериканскую плантацию времен дяди Тома» [51, с. 174].

Отдельно В. О. Ключевский рассматривал социально-классовые отношения в Речи Посполитой и роль в них России. Историк признавал, что в «безнарядной Польше» крестьянам жилось лучше и русское крестьянство сбегало в Польшу. Это отразилось на отношении русского правительства к крестьянскому вопросу в этой стране: «Панин потому особенно считал вредным наделение православных в Речи Посполитой слишком широкими правами, что тогда побег из России еще более усилится. <...> Тем [же] барским взглядом русская политика смотрела и на православное простонародье Речи Посполитой: в нем, как в единоверцах, видели предлог ко вмешательству в польские дела, но не хотели пользоваться им... сами находясь в положении такого же класса» [51, с. 51]. Это положение разделялось рядом других либеральных историков (Н. И. Кареев, А. Л. Погодин и др.).

Социально-экономическая проблематика видна также в оценках русских историков причин и обстоятельств падения Речи Посполитой. Так, Н. И. Кареев главными причинами падения Польши, вполне в духе существующей русской историографической традиции, считал внутренние политические и социально-экономические причины, шляхетское общественно-государственное и социальное устройство, которое сложилось как результат ряда исторических обстоятельств: отсутствие европейской формы феодализма, чрезмерная роль шляхты, оторванность города от политической жизни страны и т. д. [31].

Даже Д. И. Иловайский, рассматривая падение Речи Посполитой, в числе ее причин называл и социально-экономические. По его мнению, евреи, «нашедшие радушный и гуманный прием в Польше», организовались в экономически могущественный слой городского населения, заблокировав развитие среднего сословия польской нации. «Когда же наступило время отстаивать национальную самобытность, — утверждал он, — шляхта оказалась без поддержки со стороны крестьянства». «Поляки, — писал далее историк, — до сих пор не поняли, какую роль сыграли евреи в разложении польского государства, заключающуюся в подрыве торговли, городов и тем самым среднего сословия, углубляя пропасть между высшими и низшими классами» [15, с. XII].

Как существенный элемент польско-русских отношений рассматривал евреев и М. О. Коялович. «Евреи, — утверждал М. О. Коялович, — сыграли негативную роль для русского народа как во времена Речи Посполитой, так и после ее разделов» [16, с. 55]. Он соглашался с мнением наиболее консервативной части русского общества, которая утверждала, что только Восточная Россия способна ассимилировать в себя «жидовство» [16, с. 54].

Политическое устройство Польши, считал Н. И. Кареев, довело народ до состояния полного безразличия и апатии в отношении дел государства. «Это в немалой степени, — продолжал он, — способствовало падению Польши, так как особенно активность масс была нужна в решающие моменты преобразований» [52, с. 141]. Анархическое состояние устройства Польши, писал он, нашло даже соответствующее название в польском языке — „Polska nie rządem stoi”. Разложение общества выразилось в росте угнетения холопов, религиозном фанатизме, в результате «народные массы были доведены до полного безразличия» [52, с. 146]. Это особенно проявилось во времена Т. Костюшко: «Это была борьба не народа, а части его, которая считалась в Польше за нацию, горожане остались равнодушными и еще меньшую охоту имели взяться за мечи крестьяне» [52, с. 142]. Эта точка зрения была характерной как для русских предшественников Н. И. Кареева, так и для русской историографии в будущем [31; 32].

Заключение. Социально-экономическое устройство польско-литовской государственности рассматривалось в русской науке как результат ряда ключевых проблем: цивилизационного выбора Польши и ВКЛ, характеристики феодализма как общеевропейского явления в общем и его восточноевропейского варианта (Польша, ВКЛ, Киевская Русь), зависимости социально-экономического устройства от шляхетского общественно-государственного строя.

Список цитируемых источников

1. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. Курс русской истории / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1988. — Т. 2. — 447 с.
2. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. Курс русской истории / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1989. — Т. 3. — 415 с.
3. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. Курс русской истории / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1989. — Т. 4. — 400 с.
4. Кареев, Н. И. История Западной Европы в новое время / Н. И. Кареев. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. — Т. II.
5. Кареев, Н. И. История Западной Европы в новое время / Н. И. Кареев. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. — Т. III.
6. Кареев, Н. И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / Н. И. Кареев. — СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1903. — 382 с.
7. Кареев, Н. И. Главные обобщения всемирной истории / Н. И. Кареев. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. — 348 с.
8. Кареев, Н. И. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России. По поводу теории Павлова-Сильванского / Н. И. Кареев. — СПб. : Тип. Шредера, 1910. — 145 с.
9. Кареев, Н. И. Учебная книга. История средних веков / Н. И. Кареев. — СПб., 1910. — 224 с.
10. Погодин, А. Л. Очерк истории Польши / А. Л. Погодин. — М. : Тип. К. Л. Миньшова, 1909. — 132 с.
11. Погодин, А. Л. Краткий очерк истории славян / А. Л. Погодин. — М. : Изд. Г. А. Лемана, 1915. — 126 с.
12. Нечухрин, А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-ые гг. XIX — 1917 г.) / А. Н. Нечухрин. — Гродно : ГрГУ, 2003.
13. Цамутали, А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки / А. Н. Цамутали. — Л. : Наука, 1985. — 331 с.
14. Герье, В. И. Философия истории от Августина до Гегеля / В. И. Герье. — М., 1915.
15. Иловайский, Д. И. Гродненский сейм 1793 года. Последний Сейм Речи Посполитой / Д. И. Иловайский. — М. : Унив. тип. Катков и Ко., 1870. — 274 с.
16. Коялович, М. О. Лекции по истории Западной России / М. О. Коялович. — М. : Тип. Бахметева, 1864. — 394 с.
17. Кручковский, Т. Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX — начала XX века / Т. Т. Кручковский : дис. ... д-ра ист. наук по специальности 07.00.09 — историография, источниковедение и методы исторического исследования. — Мн., 2017. — 338 л.
18. Аржакова, Л. М. Долгая пауза после блистательных успехов: русская историческая полонистика на исходе XIX века / Л. М. Аржакова // Славяноведение. — 2010. — № 1. — С. 44—53.
19. Аржакова, Л. М. Н. И. Кареев и его интерпретация причин падения Речи Посполитой / Л. М. Аржакова // Вестник СПбГУ. Серия 2 : История. — 2010. — № 3. — С. 36—45.
20. Горизонтов, Л. Е. Споры по польскому вопросу в России в 40-80-х гг. XIX в. / Л. Е. Горизонтов // Вопросы истории. — 1987. — № 7. — С. 158—160.
21. Горизонтов, Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше / Л. Е. Горизонтов. — М. : Индрик, 1999. — 272 с.
22. Демидович, А. В. Аграрная политика правительства Великого княжества Литовского XVI века в освещении российской и белорусской историографии второй половины XIX — начала XX вв. / А. В. Демидович // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 1 : Гісторыя. Філасофія. Культуралогія. Псіхалогія. Правазнаўства. — 2006. — № 1 (36). — С. 9—15.
23. Долбилов, М. Д. Конструирование образов мятежа: политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае как объект историко-антропологического анализа / М. Д. Долбилов // Actio nova. — 2000. — С. 338—408.
24. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в XIX веке / Л. П. Лаптева. — М. : Индрик, 2005. — 848 с.
25. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. / Л. П. Лаптева. — М. : Индрик, 2012. — 840 с.
26. Кручковский, Т. Т. Цивилизационный выбор Польши в оценке русской исторической мысли конца XVIII — начала XX в. / Т. Т. Кручковский // Веснік ГрДУ. — 2006. — № 3 (39). — С. 24—31.
27. Кручковский, Т. Т. Н. И. Кареев о цивилизационном выборе польского народа в средневековье / Т. Т. Кручковский // Веснік ГрДУ. — 2010. — № 1. — С. 78—86.
28. Кручковский, Т. Т. Причины образования польского шляхетского государственного устройства в оценке русской историографии XIX — начала XX веков / Т. Т. Кручковский // Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2013. — Вып. 1. — С. 33—39.
29. Кручковский, Т. Т. История Польши в исторической концепции В. О. Ключевского / Т. Т. Кручковский // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. — 2014. — № 3. — С. 53—66.

30. Кручковский, Т. Т. История Польши в исторической концепции С. М. Соловьева / Т. Т. Кручковский // Веснік ГрДУ. — 2015. — № 3. — С. 67—85.
31. Кручковский, Т. Т. История Польши в исторической концепции Н. И. Кареева / Т. Т. Кручковский // Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2015. — Вып. 2. — С. 30—45.
32. Кручковский, Т. Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX — начала XX века / Т. Т. Кручковский. — Гродно : ГрГУ, 2016. — 384 с.
33. Кручковский Т. Т. Проблема западного цивилизационного выбора Польши и его последствия в оценке М. О. Кояловича / Т.Т. Кручковский // История. — 2023. — Т. 14, вып. 1 (123). — URL: <https://history.jes.su/s207987840024402-1-1/> (дата обращения: 11.05.2026).
34. Кручковский, Т. Т. Фундаментальные идеи российской исторической полонистики и их преломление в творчестве В. О. Ключевского / Т. Т. Кручковский // Диалог со временем. — 2023. — Вып. 82, ч. 1. — С. 78—93.
35. Кручковский, Т. Т. Фундаментальные идеи российской исторической полонистики и их преломление в творчестве В. О. Ключевского / Т. Т. Кручковский // Диалог со временем. — 2023. — Вып. 83, ч. 2. — С. 82—99.
36. Кручковский, Т. Т. Польский вопрос в России XIX — начала XX века в оценке Н. И. Кареева / Т. Т. Кручковский // Диалог со временем. — 2024. — Вып. 89, ч. 1. — С. 94—107.
37. Кручковский, Т. Т. Польский вопрос в России XIX — начала XX века в оценке Н. И. Кареева / Т. Т. Кручковский // Диалог со временем. — 2025. — Вып. 90, ч. 2. — С. 47—62.
38. Могильницкий, Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. — начала 900-х годов / Б. Г. Могильницкий. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. — 408 с.
39. Мягков, Г. П. Русская историческая школа. Методические и идейно-политические позиции / Г. П. Мягков. — Казань : Изд-во Каз.ун-та, 1988. — 218 с.
40. Владимирский-Буданов, М. Ф. Немецкое право в Польше и Литве / М.Ф. Владимирский-Буданов. — СПб, 1868. — 302 с.
41. Любавский, М. К. Исторические судьбы славянства / М. К. Любавский. — М., 1915.
42. Кареев, Н. И. Исторический очерк польского сейма / Н. И. Кареев. — М. : Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1888. — 169 с.
43. Любавский, М. К. Книга для чтения по истории средних веков / М. К. Любавский. — М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1899. — 587 с.
44. Книга для чтения по истории средних веков / под ред. П. Г. Виноградова. — М., 1899.
45. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. Курс русской истории / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1987. — Т. 1. — 432 с.
46. Бобровский, П. О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния / П. О. Бобровский. — СПб., 1863.
47. Мякотин, В. А. Крестьянский вопрос в Польше в эпоху разделов / В. А. Мякотин. — СПб., 1889.
48. Горемыкин, А. И. Очерки истории крестьян в Польше / А. И. Горемыкин. — СПб., 1869.
49. Корнилов, А. А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России / А. А. Корнилов. — СПб., 1905.
50. Lubomirski, T. Rolnicza ludność w Polsce / T. Lubomirski. — Warszawa, 1862.
51. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. Курс русской истории / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1989. — Т. 5. — 478 с.
52. Кареев, Н. И. «Падения Польши» в исторической литературе / Н. И. Кареев. — М. : Тип. В. С. Балашева и К°, 1888. — 413 с.

Поступила в редакцию 20.05.2025.